

Псевдоиконы нашего времени

[Юлия Андреева](#)

*"Смотрите, братия,
чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением
по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу".
Колос. 2:8*

Наша Церковь переживает период возрождения, который, как и всякий переходный момент, сопровождается различными духовными искушениями.

Все мы, православные христиане, являемся членами Церкви Христовой, глава которой - Сам Иисус Христос. Принципы иерархичности строения церковного общества и каноничности церковного искусства - это основные принципы Православной Церкви. Их нарушение ведет за собой отпадение от соборного тела Церкви и уклонение в ересь и раскол. Тем не менее, новоявленные "ревнители православия" публично критикуют церковных иерархов, составляют лжеобряды, внедряемые в богослужение православных, тиражируют и распространяют неканоничные изображения и провокационную литературу, нарушая каноническую дисциплину и раскалывая Церковь изнутри. Все это является следствием большого количества новообращенных в Церкви, невежества относительно учения Церкви об иконах и, зачастую, невоцерковленности некоторых современных иконописцев.

Одним из таких серьезных искушений стало появление в последнее время большого количества неканоничных икон. Эти иконы в течение уже нескольких лет широко распространяются на территории России (и Украины - *ред.*), и наша епархия в этом не исключение. Движение, казавшееся поначалу стихийным, последнее время приобретает сектантские формы. В чем же опасность их почитания?

Слово "канон (kanon)" по-гречески буквально означает "тростник". В древности из тростника делали мерные палки, которые использовались при землемерных работах. Со временем это слово стало обозначать вообще норму, меру, стандарт. В Церкви канонами называют правила, регулирующие жизнь церковной организации. В иконописании канон окончательно утвердился и оформился после эпохи иконоборчества. Определение каноничности образа дано правилом Пято-Шестого (Трулльского) Собора. 82 правило ознаменовало переход от раннехристианских символов к символическому реализму восточнохристианского иконографического канона.

Л.А. Успенский в книге "Богословие иконы" пишет: "Иконописный канон есть известный принцип, позволяющий судить, является ли данный образ иконой или нет. Он устанавливает соответствие иконы Священному Писанию и определяет, в чем заключается соответствие, то есть подлинность передачи божественного Откровения в исторической реальности тем способом, который мы называем символическим реализмом. Основным

критерием, предъявляемым к образу, является его литургичность. Критерий литургичности неотделим от истины Боговоплощения и Искупительной Крестной жертвы Спасителя".

Для канонической иконы характерны:

1. Подчеркнутая условность изображения. Изображается не столько сам предмет, сколько идея предмета; все подчинено раскрытию внутреннего смысла. Портретные черты изображаемых святых могут быть весьма условны. Иконописный канон ориентирован на обобщенный, символический образ, в котором индивидуальные черты едва намечены - ровно настолько, чтобы образ был узнаваем, чтобы он вычленился из общего сонма. К каноническим требованиям русской иконографии также относится отсутствие на православных иконах черт чувственной, плотской привлекательности.

2. Принцип изображения пространства. Для иконы характерна обратная перспектива, где точка схода располагается не в глубине картинной плоскости на воображаемой линии горизонта, а в предстоящем пред иконой человеке - идея изливания Мира Горнего в наш мир, мир дольний. В обратной перспективе удаляющиеся предметы увеличиваются в размере, в то время как в реальности, т.е. в прямой перспективе они уменьшаются.

С помощью обратной перспективы существенно облегчается решение одной из самых сложных задач начальной стадии искусства Иисусовой молитвы - соединение ума с сердцем. Существует две принципиально различающиеся формы зрительного восприятия. Первое из них - обычное восприятие, которое состоит в том, что глазные оси фокусируются в одной воспринимаемой точке. Типичным примером такого восприятия является чтение печатного текста. Второй формой является панорамное восприятие. В отличие от дискретного оно представляет собой цельное восприятие всего зрительного поля. При таком восприятии напряжение с фокусированных глаз снимается.

Наблюдение за взаимосвязью зрительной и сердечной деятельности обнаруживает, что расслабленному состоянию глаз соответствует сердечное восприятие.

Геометрия обратной перспективы в иконе настраивает зрение на панорамное восприятие, ее расходящиеся оси приводят глаза в расслабленное состояние, в результате икона воспринимается сердцем.

3. Отсутствие внешнего источника света. Свет исходит от ликов и фигур, из глубины их, как символ святости. Преображенный мир иконы не имеет внешнего источника света, в ней все наполняется внутренним свечением. Фон в ней всегда ровный по цвету и свету, поэтому он исключает иллюзию перспективы и не пробуждает чувства пространства. Слово "фон" переводится с греческого языка как "свет", он символизирует свет духовного мира.

4. Цвет не является средством колористического построения иконы, он несет символическую функцию. Например, красный цвет на иконах мучеников может символизировать жертвование собой ради Христа, а на других иконах - это цвет царского достоинства.

5. Для икон характерна единовременность изображения: все события происходят сразу. На иконе Преображения Господня мы видим и Христа, поднимающегося с учениками в гору, и Господа Преобразившегося, и учеников павших "на лица свои" (Мф. 17,6), и их же, спускающихся с горы. Чтобы исключить чувство движения, которое связано с чувством времени, композиция иконы чаще всего строится статичной. Если движение невозможно исключить, тогда оно изображается нереальным.

Каждое душевное чувство человека связано с каким-либо представлением физического мира, основу которого оставляет время, движение и пространство. Если эти категории исключить из композиции иконы, то она преобразуется в очень условное представление, которое не пробуждает чувства реальности изображаемого мира и связанные с ним душевные чувства. Икона, написанная по канону, являет духовный мир, при этом характер его изображения в иконе облегчает процесс погружения в него сознания. Каноническая икона не имеет случайных деталей, украшений, лишенных смыслового значения.

Икона, вне зависимости от того, старая она или новая, может быть названа православной только в том случае, если с точки зрения композиции и художественного исполнения удовлетворяет догматико - каноническим, историческим и иконографическим требованиям.

Леонид Денисов, духовный писатель и церковный деятель первой половины XX века, в статье "Каким требованиям должна удовлетворять православная икона?" приводит следующие признаки православного иконописного канона:

1. Верность композициям, унаследованным от христианской древности, если они не заключают в себе ничего противного православной догматике и каноническим постановлениям;
2. Соблюдение церковно-исторических и археологических указаний применительно к изображению построек, костюмов и утвари;
3. Сохранение этнографических (в типах лиц) и географических (в пейзаже) особенностей данной местности и эпохи;
4. Точное и неуклонное изображение общеизвестных символических признаков, присутствием которых до некоторой степени свидетельствуется православие иконы.

Рассмотрим подробности иконографии Божией Матери. Образ Богородицы, принятый как канонический в православном искусстве мы видим уже в VI - VII веках на синайских иконах, в мозаиках Рима и Равенны. Для православного образа Богородицы характерны определенные цвета одежд - красный мафорий и синее нижнее одеяние. Таковы одежды Богородицы на всех иконах (за редким исключением), и их цвета символизируют соединение в Ней Девства и Материнства, Ее земной природы и небесного Ее призвания. Важная деталь одеяния Богородицы - поручи (нарукавники). Поручи - деталь облачения священников на иконах это символ сослужения Божией Матери (а в Ее лице - всей Церкви) Первосвященнику Христу. На челе и плечах Богородицы изображаются три золотые звезды в знак того, что Богородица пребывала Девой до Рождества, в Рождестве и после Рождества.

Существует пять основных типов изображений Божией Матери: "Оранта" ("Молящаяся"), "Одигитрия" ("Путеводительница"), "Елеуса" ("Умиление"), "Панахранта" ("Всемилистивая") и "Агиосортисса" ("Заступница"). Все многообразие существующих икон Богоматери сводится именно к этим пяти основным типам.

Давайте рассмотрим, удовлетворяют ли этим требованиям те новоявленные иконы, которые так активно распространяются в среде православных.

Специалист по иконографии священник Борис Михайлов в статье "Иконография чутко реагирует на состояние церковного сознания", опубликованной в газете "Церковный вестник", отмечает, что многие новые иконы Пресвятой Богородицы не отражают всей глубины православного богословия и вместе с тем свидетельствуют о невоцерковленности некоторых современных иконописцев.

Так, в последние годы широко распространяется по России псевдоикона "Воскрешающая Русь". Поводом к написанию этого изображения стало видение жительницы города Пятигорска Ольги Павленко. В соответствии с видением, на образе женщина в белом одеянии, в которой поклонники псевдоиконы предлагают видеть Пресвятую Богородицу, разбрасывает крестики. Маленькие существа, изображенные внизу, по-разному относятся к этим летящим крестикам. Одни принимают их и просветляются, другие в ужасе убегают, а третьи - превращаются в темные комочки.

На лжеиконе центральная фигура изображается в белых одеждах, что совершенно нехарактерно для православной иконографии Богоматери. Напротив, в оккультных сектах такое изображение встречается довольно часто. Достаточно вспомнить времена "Белого братства", когда уличные столбы были "украшены" плакатами с изображением женщины в белом балахоне с надписью "Мария Деви Христос". Некий иеромонах Корнилий в брошюре "О Чудотворной иконе Пресвятой Богородицы Воскрешающая Русь" утверждает: "Покров Божией Матери - это Богородичное Воздвижение Креста, ибо, что для Господа Крест, то для Пречистой Его Матери - Покров"? ""Воскрешающая Русь" - Преображение Богородицы", - еще одно "богословское открытие" иеромонаха Корнилия. Что это такое - вразумительно не может объяснить никто. Но нелишне вспомнить, что одно из наименований секты "Богородичный Центр" - "Церковь Божией Матери Преображающейся", которое было официально зарегистрировано в июне 1991 года. Неудивительно, что это изображение пользуется популярностью у представителей секты богородичников.

По учению сектантов, от Персоны (в видении О. Н. Павленко, ныне возомнившей себя "священнослужительницей церковной") исходит некая энергия, которую сектанты называют "чудесное света излучение". Эту энергию символизируют брошенные вниз крестики. Она, в соответствии с "видением" Павленко, целительна для тех людей, кто принимает крестики (люди эти светлеют), и та же самая энергия (ведь не может из одного источника одновременно истекать живая и мертвая вода) губительна для остальных. В одной из анонимных брошюр, посвященных псевдоиконе "Воскрешающая Русь" говорится, что: "кто не принял крестик, был наподобие таракана", "кто же уклонялся или убежал от

крестика, видимым образом умалаясь в росте, чернел, превращаясь в кучку мерзостей". И такую "икону", на которой человек - образ и подобие Божие представлен как "кучка мерзостей" требуют объявить православной и каноничной.

Все это не только противоречит учению Православной Церкви о Божьей Матери, а является страшным кощунством. Нельзя даже предположить, что от Богородицы в принципе может исходить нечто такое, что (по словам составительницы "акафиста" в честь псевдоиконы Г. Андриановой) способно "скукожить" человека, будь он первым грешником. Сектанты, таким образом, вместо прославления Царицы Небесной возводят на Нее хулу. Само изображение является ложным по отношению к Пресвятой Богородице. То излучение, о котором они говорят в "акафисте", есть излучение лжи.

В околоцерковных кругах существует укоренившийся предрассудок, что демоны не могут являться в облике Пресвятой Богородицы, потому что, якобы, Сам Господь запретил это делать силам нечистым. Однако святитель Игнатий Брянчанинов в работе "О сновидениях" говорит: "Преуспевшим в самомнении демоны начинают являться в виде ангелов света, в виде мучеников и преподобных, даже в виде Божией Матери и Самого Христа, ублажают их жительство, обещают им венцы небесные, этим возводят на высоту самомнения и гордыни".

Ольга Павленко является т.н. "народным целителем", а по сути дела просто экстрасенсом, прикрывающимся православием. Видения "святых", повелевших "лечить людей", институт нетрадиционной медицины Я. Гальперина, международные слеты целителей, "космическая зарядка" по набору энергии, коллектив-ное "молитвы за Россию" на фоне медитаций, "изгнание бесов" из людей - все это, очевидно, и привело О. Павленко к новым, "православным" оболъщениям, к "особому служению" у "богородицы".

Одним из аргументов, приводимых сектантами в пользу чудотворности лжеиконы, является ее мироточение, и источаемые ею "чудеса". Но обратимся к творениям святых отцов, всегда ли чудотворения имеют божественное происхождение? Сам Господь говорил предупреждал об опасности оболъщения ложными чудесами: "Востануть бо лжехристи и лжепророцы, и дадут знаменія веліи и чудеса: якоже прельстити, аще возможно, и избранных." (Мф.24.24). В особенности чудеса будет расточать антихрист, поражая и удовлетворяя ими плотское мудрование и невежество. Святитель Игнатий Брянчанинов в своем труде "О чудесах и знаменіях" пишет: "Неведение и плотское мудрование, увидев эти чудеса, нисколько не остановятся для размышления: немедленно примут их по сродству духа своего с духом их, по слепоте своей, признают и исповедуют действие сатаны величайшим проявлением силы Божией. (...) Не сообразят человеки, что чудеса его не имеют никакой благой, разумной цели, никакого определенного значения, что они чужды истины, преисполнены лжи, что они - чудовищное, всезлое, лишенное смысла актерство, усиливающееся удивить, привести в недоумение и самозабвение, оболъстить, обмануть, увлечь обаянием роскошного, пустого, глупого эффекта".

Именно такие бессмысленные, нелепые чудеса и происходят по молитвам к псевдоиконе "Воскрешающая Русь".

"Странник Михаил, 29 марта ослепнув, исцелился на следующий день по своим молитвам к Богородице "Воскрешающая Русь" (...) С другом случилось несчастье - обокрали дачу... из дома вынесли мебель... обошел с иконой вокруг дачи... приезжают через несколько дней... и ахнули! В доме мебель стоит вся на месте и даже убрано, как будто ничего и не было (...) Все это время икона часто благоухает, мироточит, исцеляет и показывает различные чудеса". Для истинно православного человека все эти ссылки на чудеса, пророчества и мироточения не могут быть критерием истинности, поскольку многообразные необычные явления происходят и у сектантов, и у магов, и у язычников. В Бурятии есть статуя Будды, источающая молоко, а у "богородичников" мироточат статуи.

Для поклонников лжеиконы критерием истинности тех или иных "чудес" служит радостное, восторженное чувство, испытываемое при этом. По мнению же Святых Отцов это является признаком прелестного состояния. "Отвергай приходящую радость рукою смирения, да не обольстишься". (Лествица 7:57) "Не сочиняй себе восторгов, не приводи в движение своих нервов, не разгорячай себя пламенем вещественным, пламенем крови твоей. Жертва приятная Богу - смирение сердца, сокрушение духа. С гневом отвращается Бог от жертвы, приносимой с самонадеянностью, с гордым мнением о себе, хотя бы эта жертва была всеожжением" (свт. Игнатий Брянчанинов "О любви к Богу"). Лжедуховность обычно стремится привлечь к себе внимание лжечудесами.

Почитатели псевдоиконы, твердя о послушании как о величайшей добродетели, проявляют упорное непослушание Церкви, обнаруживают отсутствие элементарной церковной дисциплины, но при этом готовность к безрассудному послушанию тем, кого они избрали себе в кумиры. Это происходит от гордыни, самоволия, жажды чуда и от невежества - все это благодатная почва для деятельности врагов Церкви, которые внедряют в наше сознание различные раскольнические и еретические идеи - в том числе и через "новые чудотворные иконы", к которым мы проявляем такой неестественный интерес.

Если изображение, именуемое "Воскрешающая Русь", иногда принимает некое подобие канонической иконы (только потому, что за основу берется иконография Покрова Божией Матери), то такие образы, как "Дары Дающая", "Самодержавная", "Яко орля крылья", с православным канонам не имеют ничего общего. При этом два последних в кругу их ревностных почитателей именуется "царскими" или "монархическими". До этого все иконы считались просто православными, теперь они, видимо, стали делиться по партийному признаку. Раз есть иконы "царские", значит, в скором будущем можно ожидать появления икон "аристократических", "интеллигентских" и "рабочее - крестьянских"...Все эти изображения остаются чуждыми православному иконографическому канону.

В труде Л.А Успенского "Богословие иконы православной церкви" читаем: "Иконописный канон есть известный принцип, позволяющий судить, является ли данный образ иконой или нет. Он устанавливает соответствие иконы Священному Писанию и определяет, в чем заключается соответствие, то есть подлинность передачи божественного Откровения в исторической реальности тем способом, который мы называем символическим реализмом. Основным критерием, предъявляемым к образу, является его литургичность. Критерий

литургичности неотделим от истины Боговоплощения и Искупительной Крестной жертвы Спасителя".

На изображении, именуемом "Дары Дающая" мы видим Матерь Божию в архиерейском облачении с евхаристической чашей в руках - то есть она предстает здесь как священница, а точнее "архиерейша". Изображение Бога Саваофа, которое мы видим в верхней части композиции, является также неканоничным, и было отвергнуто на Большом Московском Соборе 1665 года. Самочинная "икона" напоминает католическое изображение Святой Троицы в виде Бога Отца как старца, Бога Сына как Христа и Святого Духа в виде голубя. Богородица заняла в образе этой "троицы" место Христа - то есть уподоблена Богу и представлена как некая "богиня". Это настоящая ересь в духе "Богородичного Центра". Богородица вытеснила Христа (а это является марионитской ересью, разоблаченной еще Иоанном Дамаскиным).

Кроме того, реалистичность, с которой выполнено данное изображение, не свойственна православным иконам. Чувство пространства в восприятии окружающего мира у человека развито очень остро. Имя Господа пробуждает духовные чувства, которые имеют сверхтонкий характер, поэтому, чтобы их осознать, необходимо предварительно исключить грубые душевные чувства, которые возникают при восприятии чувственной живописи.

Если художник строит реалистичную композицию по законам прямой перспективы, то взгляд фокусируется и сердечное восприятие прекращается. Такое восприятие дает простор образному мышлению, фантазиям в поисках ярких душевных переживаний, а это уже является неуправляемой стихией страстей. Молитва в данном случае будет только пробуждать, и укреплять страсти, уводя в духовную прелесть.

Может возникнуть вопрос, как же быть с известными, почитаемыми Церковью иконами типа "Нечаянная радость" или "Азовская", которые также выполнены в живописной манере и пространство в которых практически иллюзорно? По этому поводу известный богослов Леонид Успенский писал следующее: "Что же касается "живописного стиля", то как может стать церковным образ, не выражающий учения Церкви, образ, который не несет в себе "раскрытия жизни во Христе", и как же, в силу своего чудотворения, он становится приемлемым для выражения "христианских истин в Православии" и становится на один уровень с образом, который их выражает? Такой образ, если, конечно, по своему иконографическому сюжету он не содержит противоречия православному вероучению, то есть не еретичествует, может послужить основанием к появлению нового типа канонической иконы (при условии, конечно, подлинности чуда), то есть быть воцерковлен". (Л. Успенский. Богословие иконы православной церкви. - М., 1989 г., С. 410.)

Изображения, именуемые иконами Божией Матери "Самодержавная" и "Яко орля крылья" очень схожи между собой. На обеих Богородица предстает на фоне двухглавого орла. Этот образ также не нов, он заимствован из оккультной каббалистической символики. Главным критерием, по которому почитатели этих изображений относят их к числу православных, является обилие чудотворений от них исходящих. Так, например, как сообщает

почитательница псевдоиконы "Яко орля крылья" Ирина Давыдова, когда эту псевдоикону несли крестным ходом по Москве, то она являла чудеса, укрывала от гонителей, вразумляла и просвещала. Так и хочется добавить - и даже показывала фокусы. Как уже говорилось ранее для истинно православного обилие чудес это лишь очередной повод задуматься об их источнике.

Обе иконы были написаны в конце XIX века неизвестным художником по заказу князя Шаховского и до недавнего времени пребывали в храме, находившемся на территории имени князей Шаховских (храм Преображения Господня в селе Верзилово Ступинского района Московской области). Затем - по распоряжению благочинного - они были сняты, и на их место было установлено Распятие.

На иконе "Самодержавная" Богородица изображена в царском одеянии с короной на голове, восседающей на фоне двуглавого орла, в окружении святых.

Почитатели иконы дают достаточно вольную трактовку сюжета иконы: "Матерь Божия утверждает Царский престол, показывая тем самым, что истинное Православие возможно только при Самодержавной власти. У Божией Матери пояс в виде креста - в этом видно указание и нам распинаться за Царя-Батюшку. Радуга вверху - множество мира, примирение Бога с человеком. Несмотря на то, что икона написана в реалистичной манере, все же представляется, что рассматривать изображенное на ней необходимо через понимание символов". (Ирина Давыдова. "Гонимые святые"). Сложные аллегории обычно вводят в язык живописи мистические учения и секты, православным же сознанием излишняя аллегоризация однозначно воспринимается как профанация святых.

Но, если в иконе нарушены каноны, тогда, в лучшем случае, она становится живописным произведением на религиозную тему, которое пробуждает душевные чувства. Но для православного христианина любые душевные чувства являются формой проявления страстей, с которыми нужно вести постоянную борьбу.

Что же говорить о том, какие чувства вызывает изображения на оккультную тему, выполненное в реалистичной манере, да еще и почитающиеся в рамках ереси царебожия.

Много полемики вызывают также вопросы иконографии новомучеников, и в частности царственных мучеников. Повсеместно растет их почитание, тиражируются во множестве их иконы, но, к сожалению, в большинстве - с нарушениями иконописных канонов. Особенно много нарицаний вызывают иконы, на которых царь-мученик поименован как "св. Царь искупитель Николай", поскольку прямое именование его на иконах "искупителем" является непозволительной ересью. Для православных христиан искупитель может быть один - Господь Иисус Христос. На Голгофском Кресте искуплены все наши грехи, заглажены все беззакония, поэтому ни о каком искуплении грехов смертными людьми речь идти не может.

Диакон Даниил Сысоев совершенно справедливо пишет, что "человек, искренне считающий императора "искупителем", не может быть христианином, ибо тем самым он считает, что дело Господа было неудачно и потому нуждается в дополнении. Голгофа не смогла спасти русский народ, и Богу потребовалась еще одна жертва, которую Он принял в лице царя".

Это означает, что "человек может быть спасен человеком же, причем Христос становится явно ненужным".

Изображения эти крайне низкого художественного уровня, порой даже отталкивающе некрасивы. Рассмотрим для примера одну из таких икон святого мученика царевича Алексия. Во-первых, это изображение реалистично, можно даже сказать натуралистично, что уж совсем неприемлемо для православной иконы. В древней традиции статус иконы для поклонения и почитания, усваивается написанному образу в первую очередь не через портретную схожесть, а через надписание святых.

Особенно отталкивающе выглядят грубые, натуралистично написанные, руки. Это руки человека явно преклонного возраста. Лик цесаревича тоже вызывает недоумение, если эту гримасу со странной полуулыбкой вообще можно назвать ликом. Иконографический канон ориентирован на обобщенный образ, в котором портретное сходство просто преобразуется путем отсечения случайных черт и приведением к единству соборных черт святости. Человек был сотворен "по образу и подобию Божию" (Быт.1.26). В грехопадении этот образ был замутнен: "измениша славу нетленного Бога в подобие образа тленна человека..." (Рим.1:23) Святые подвигом своим приближаются к восстановлению, в сиянии славы и красоты образа Божиего: "и якоже облекохомся во образ перстного, да облечемся и во образ небеснаго" (1 Кор.15:49). В ликах святых явлен образ Богоподобия. Святые, достигшие Царствия Небесного, избавились от страстей и пороков, поэтому лики их выражают полное бесстрашие, покой и безмятежность. В лике святого иконописец стремится запечатлеть прежде всего Того, Чьим образом тот является, все же, что от плоти, - является несущественным. Еще Дионисий Ареопагит говорил о том, что в священных изображениях должно присутствовать сходство и несходство. Сходство для того, чтобы оно было узнано; несходство для того, чтобы подчеркнуть, что это подобие, как бы иносказание, но не зеркальное отображение.

"Икона - не портрет, а прообраз грядущего храмового человечества. И так как этого человечества мы пока не видим в нынешних грешных людях, а только угадываем - икона может служить лишь символическим его изображением. Что означает в этом изображении истонченная телесность? Это - резко выраженное отрицание того самого биологизма, который возводит насыщение плоти в высшую и безусловную заповедь." (Князь Е.Н. Трубецкой. Три очерка о русской иконе. - Новосибирск,1991. - С.16.)

Облик цесаревича на указанной иконе никак не вписывается в православные каноны. Полуулыбка, никак не идущая к облику православного святого, видимо, заимствована с католических изображений. "В католических иконах нет метафизического трагизма. Там трагизм земных, душевных человеческих переживаний. А чаще всего другое - человеческая чувственность, то, что обращено к земле и принадлежит земле. Эта душевная чувственность и сентиментальность католических икон воспринимается подсознанием человека как возможность примирения с Богом без покаяния, без изменения себя. Улыбающееся выражение иконы действует как усыпление грешника, как капитуляция и примиренчество с грехом". (архим. Рафаил (Карелин) О языке православной иконы.// Православная икона.

Канон и стиль. - М., 1998. - С.59.) Напомним, что по преданию Спаситель и Божия Матерь никогда не улыбались.

Лик и руки (карнация) иконописец, как правило, выписывает с особой тщательностью, потому что они несут большую смысловую нагрузку. В данном случае именно они свидетельствуют о неправославном характере изображения. Каждая икона несет ряд символов, раскрывающих определенный духовный смысл. Иногда привычные символы могут выстраиваться таким образом, что будут нести в себе смысл, противоречащий православному мировоззрению, что и вышло с вышеупомянутыми иконами.

Не имеет под собой догматической основы и образ св. царственных мучеников, написанный в Русском зарубежье. Он представляет святых царя и царицу стоящими с двух сторон от царевича Алексея и держащими крест над его головой. Их дочери написаны на полях, держащими в руках свечи. Аналогию этой композиции мы находим в образе праздника Крестовоздвижения, где св. император Константин и св. императрица Елена стоят с двух сторон от Патриарха, держащего на голове Животворящий Крест. Это символическое изображение созидания на земле Церкви: распятого на Кресте Тела Христова, с которым мы соединяемся священством, получившим на это особую благодать в день Пятидесятницы. Буквальное повторение композиции с замещением фигуры Патриарха на изображение царевича Алексея лишает изображение символической образности. Помещение образа царевича Алексея в центр иконографии мистически - неверно. Центром изображения должен быть царь, помазанный на царство в образ Христа.

Также очень по-земному воспринимается изображение императрицы и великих княжон в облачениях сестер милосердия, а государя с наследником - в военной форме. Надо иметь в виду, что в Церкви, а значит, и на иконах, согласно с библейской традицией, одежды имеют символическое значение. Золото, жемчуг, драгоценные камни, изображаемые на них, - это все символические знаки Небесного Иерусалима, как он описывается в Евангелии. Такой же иконографической ошибкой на некоторых иконах представляется раскрытый свиток в руках Николая II с начертанными на нем словами из Книги Иова. Любая икона, кто бы на ней не был запечатлен, всегда обращена к Самой Пресвятой Троице, а значит, и приводимый на свитках текст должен говорить только о Боге. Сам же свиток, как правило, держит тот, кто его написал: пророк, евангелист, святитель или преподобный.

Наиболее догматически верной представляется вариант иконографии царственных мучеников, преложенный О.В.Губаревой. Царская семья изображается на фоне Феодоровского Государева собора в Царском Селе. В центре композиции, на золотом фоне, знаменующем собою свет Небесного Иерусалима, находится государь с крестом в руке, в царских одеждах и в мантии. На голове его шапка Мономаха. Место его, как всеобщего главы, - в центре иконы и выше других. Персты правой руки его, учитывая особенность царского служения, сложены в отеческом благословении. С двух сторон от государя - члены его семьи, в царских одеждах, в мученических плащах и с крестами. У царицы, как венчанной вместе с Николаем II на царство, на голове корона. У царевен - головы покрыты платками, из-под которых видны волосы. Второй план в иконах обычно - символический,

поэтому фигура Николая II вписана в изображение храма - (так часто на иконах изображается Христос), потому что всякий царь является образом своего царства. Храм - это образ телесной храмины государя, мистически вбирающей в себя весь собор подданных, за которых он пострадал и теперь молится на небесах. Феодоровский собор строился государем на свои средства, был молельным храмом его семьи и в архитектурном замысле воплотил представления Николая II о Святой Руси и соборной государственности, возродить которую он стремился. Это очень естественно вписывается в художественно-символическую структуру иконы. Множество архитектурных деталей и две открывающиеся по бокам пристройки: колокольни и крыльца царского входа, - помогают подчеркнуть соединенность всех предстоящих в центральной фигуре государя. Он стоит по оси купола храма, как глава всех, на возвышении, символизирующем престол: и царский, и жертвенный. Небольшая главка рядом с офицерским входом, оказывающаяся над образом царевича Алексея, становится знаком, выделяющим его как наследника престола. Этот образ, конечно, может не быть единственным, но представлен здесь как пример канонически верный.

Совершенно отдельную группу представляют собой неканонические иконы неканонизированных святых (Григорий Распутина, Иоанна Грозного, митрополита Иоанна Снычева, о. Николая Гурьянова, Евгения Родионова и даже Игоря Талькова). Уже сам по себе факт почитания таких изображений, пренебрежение канонической позицией Церкви приводит к опасной позиции "церковного диссидентства" и губительному для души состоянию. Слепленные собственной "ревностью о благочестии" эти люди готовы отречься от Матери-Церкви в угоду чьим-то политическим или иным амбициям.

Указанные изображения насыщены символикой, зачастую оккультной. По слову прп. Максима исповедника, "весь мысленный мир таинственно и в символических образах представляется изображенным в мире чувственном для тех, кто имеют очи видеть, и весь мир чувственный, если любознательным умом разбирать его в самых началах, логосах, заключается в мире мысленном; этот в том своими началами, а тот в этом своими символическими образами". Проще говоря, по словам современного историка и публициста Михаила Назарова, "символы - это не безобидная вещь, это точки приложения духовных сил, добрых и злых, которые через эти символы - как через окна, двери, форточку - входят в нашу жизнь и, соответственно, влияют на нее".

Достаточно почитать самочинные акафисты и молитвы, составленные к этим иконам, чтобы понять, что дух этих изображений совсем не безобиден. Часто, вместо лика, на таких изображениях можно увидеть искаженное в гневе лицо человека, поработанного страстями. Эти "иконы" больше напоминают агитационные плакаты советских времен, чем изображения людей, в бесстрастии своем достигших святости.

Эти иконы могут быть выполнены в разной манере - более или менее "псевдоправославной". Объединяет их одно - сюжеты их не имеют с Православием ничего общего, поскольку, как мы уже говорили, каноничность и иерархичность - это два основания Православия. Иконы

именуются православными, если "они не заключают в себе ничего противного православной догматике и каноническим постановлениям".

Наиболее веским аргументом в защиту своих икон их почитатели считают обилие источаемых ими чудес. Но чудо не является лучшим способом проповеди. "Церковь живет не тем, что преходяще и индивидуально, а тем, что неизменно. Не потому ли чудеса никогда не были для нее критерием ни в одной из областей ее жизни, и жизнь эта никогда по ним не равнялась? И не случайно то, что соборные постановления предписывают писать иконы, основываясь не на чудотворных образах (потому что чудотворение иконы есть внешнее и временное, а не постоянное ее проявление), а так, как писали древние иконописцы, то есть по иконописному канону. Это, подчеркиваем, относится к православному каноническому образу, то есть к полноценному выражению "тайн домостроительства Божия о спасении людей". (Л.Успенский. Богословие иконы православной церкви. - М.,1989 г., С. 410)

Бог ищет любви человека, произвольного, а не принужденного, хотя бы и чудесами, следования за Ним. Лжедуховность же, напротив, обычно стремится привлечь к себе внимание лжечудесами. Поэтому в данном случае множество чудесных явлений скорее свидетельствует о том, что автор их - князь тьмы, а написание подобных образов и почитание их является кощунством и антицерковным действием.

Как пишет святитель Игнатий Брянчанинов, "знамения ложные были споспешниками заблуждения и истекающей из него гибели... Человечи... потеряв смирение, признающее себя недостойным не только совершать знамения, но и видеть их, ждут чудес более, нежели когда-либо. Человечи в упоении самомнением, самонадеянностью, невежеством стремятся безразборчиво, опрометчиво, смело ко всему чудесному... Мы приближаемся постепенно к тому времени, в которое должно открыться обширное позорище многочисленных и поразительных ложных чудес, увлечь в гибель тех несчастных питомцев плотского мудрования, которые будут обольщены и обмануты этими чудесами" (Святитель Игнатий Брянчанинов. Беседа в понедельник двадцать девятой недели "О чудесах и знамениях".// Творения: Аскетическая проповедь. Письма к мирянам. - М.: "Лепта", 2002. С. 511-570).

[Воскресенская слобода](http://kiev-orthodox.org:80/site/culture/1698/)

<http://kiev-orthodox.org:80/site/culture/1698/>